

Внешнеполитические представления русских консерваторов (конец XIX – начало XX веков)

Россия виделась русским консерваторам как великая монархическая империя, простирающаяся от Европы до Азии и ведущая независимую внешнюю политику.

Первой крупной неудачей, заставившей их задуматься о выработке внешнеполитической доктрины, стало поражение в Крымской войне. Успешное решение геополитических задач в эпоху Александра III способствовало появлению оптимистических геополитических прогнозов на ближайшее время. На рубеже XIX–XX веков, и особенно после трагических событий русско-японской войны консервативная мысль, пожалуй, впервые серьезно обратилась к внешнеполитическим проблемам. Среди мыслителей, посвятивших геополитическим вопросам специальные исследования, были: князь Э.Э. Ухтомский, философ К.Н. Леонтьев, дипломат Ю.С. Карцов¹; разведчик и переводчик, генерал-майор А.Е. Вандам; профессор И.А. Сикорский; публицисты: И.И. Дусинский, Л.А. Тихомиров, К.Н. Пасхалов, Н.А. Захаров, С.Н. Сыромятников; и другие.

Поражение России в русско-японской войне стало более серьезным ударом по национальному самолюбию, чем Крымская война, поскольку имело место противостояние не с европейскими державами, а со страной, которая не считалась сильной и индустриально развитой². Не случайно после 1905–1907 годов внимание консерваторов было сосредоточено на дальневосточном и среднеазиатском регионах.

Современный историк А.В. Игнатъев называет следующие основные внешнеполитические ориентиры тех, кого относит к крайне правым:

1. Несогласие с блоковым курсом правительства;
 2. Критику европоцентризма и сосредоточения внешнеполитического внимания на балканско-ближневосточных проблемах, «что могло поссорить Россию с Германией»;
 3. Пропаганду необходимости активных внешнеполитических действий на Дальнем и Среднем Востоке (вплоть до войны-реванша «против Японии в союзе с Германией и Соединенными Штатами»);
 4. Переориентация от союза с парламентскими западными державами на «союз с Германией, который позволил бы решить в русских интересах вопрос о проливах, остановить австрийскую экспансию на Балканах и перенести внимание в Азию»).
- В идеале предполагалось воссоздание союза трех императоров³.

Националисты и умеренно правые, по мнению Игнатъева, не подвергали сомнению блоковую ориентацию правительства, но «не считали, что Россия достигла в своем расширении естественных рубежей» и выдвигали на первый план «объединение славянских народов Балканского полуострова вокруг России, утверждение в Константинополе и на проливах, выход к устью Немана. Они рекомендовали также развивать колониальную экспансию в Азии...»⁴.

Для понимания внешнеполитических взглядов правых нужно обратиться к более раннему времени, чем начало XX века и хотя бы кратко рассмотреть геополитические проекты князя Э.Э. Ухтомского. В 1890–1891 гг. он сопровождал Наследника Николая Александровича в его путешествии на Восток, и оставил богато иллюстрированный многотомный отчет, который вышел на русском, а затем был переведен на другие языки⁵. Учитывая специфику этого труда, и то, что Николай II «лично подверг цензуре это издание»⁶, можно говорить о том, что это был не просто парадный отчет о поездке. Описывая восточную экзотику, Ухтомский не забывал проводить параллели с Россией, подчеркивая, что русские (в отличие от европейцев) политически и духовно близки азиатам и в исторических деятелях России «олицетворяются и сливаются западные начала с восточными. Он обращал внимание на хищническое отношение европейцев (особенно британцев) к Азии, противопоставляя этому русскую отзывчивость, которая, в свою очередь,

вызывает симпатию и ответные действия. Характерно, что князя совсем не смущал вопрос «чистоты крови».

Вопреки распространенному мнению, Ухтомский отнюдь не идеализировал Восток (в частности, Китай⁷), хотя и считал его гораздо ближе к России в геополитическом и духовном отношении, чем Запад. В очерке «К вопросу о китайской цивилизации», опубликованном в журнале «Наблюдатель», он упрекал российских «молодых китаистов» в том, что они возводят «дряхлый Китай» «чуть не на первенствующую ступень среди цивилизованных государств всего мира», в то время как в реальности Китай еще не вступил на путь прогресса, а происходящие в нем перемены это «редакция одних и тех же положений и выкройка платья из того же самого материала, который кроили и перешивали на тысячу ладов»⁸. Однако, именно Ухтомский стал одним из самых ярких критиков идеи «желтой опасности» в консервативном лагере, где об этой опасности говорили уже давно. О ней, еще до В.С. Соловьева, прямо предупреждал в письмах и частных разговорах (и косвенно в опубликованных статьях) Леонтьев. В беседе с дипломатом и литератором А.Н. Цертелевым он обмолвился:

«Православных-то скоро и русских подданных ни единого не останется...

— Что же — не китайцы ли уничтожат нас? — спросил насмешливо князь...

Хотя бы и китайцы [Далее в тексте шло продолжение этой фразы, зачеркнутое Леонтьевым: "...через века три"], — отвечал я.

— Гоги и Магоги, — тотчас же нашелся князь, и все рассмеялись. —

Но я нахожу, что и в этой ничтожной полушутке о китайцах была бездна ума; *она доказывала, что он, вероятно, и сам о такой возможности думал...*⁹.

Леонтьев, восхищавшийся бытовой стороной жизни китайцев, вместе с тем писал Розанову о том, что «китайцы назначены завоевать Россию, когда *смешение* наше (с европейцами и т. п.) дойдет до высшей своей точки. И туда и дорога — *такой* России. «Гоги и магоги» — *finis mundi*¹⁰! Этого что еще останется?»¹¹.

«Презиравший европейцев» Китай обратил на себя внимание и Ухтомского. Свою работу «К событиям в Китае: об отношении Запада и России к Востоку» он целиком посвятил обоснованию мысли, что Россия не должна входить в антикитайский блок. Критикуя действия европейских колонизаторов в Китае, князь включал в понятие Востока и Россию, которая, по его словам, уже начинает догадываться, что она является обновленным Востоком, с которым не только ближайшие азиатские соседи, но и индусы, и китайцы имеют непременно больше общих интересов и симпатий, нежели с колонизаторами Запада. И раз «Восток и Россия — одна безбрежная стихия, одно гармоничное в своих духовных основаниях целое» то не приходится удивляться, когда восточно-русские первопроходцы делают неожиданное открытие, что новый мир, в который они проникают на Востоке, кажется им (в отличие от «европейских цивилизаторов») не враждебным и чуждым, а по-детски наивным доверчивым¹². «Нет ничего легче для русских людей, как ладить с азиатами. Между ними и нами — такое сочетание единомыслия по существеннейшим жизненным вопросам, что некоторого рода родство душ всегда определяется быстро и самым тесным образом. При глубоком, почти коренном различии национального психофизического облика, японца и простого звания русский все как-то братски ближе друг к другу, чем к европейцам»¹³. Поэтому русские всегда смогут найти с азиатами общий язык, даже если порой и приходится с ними сражаться.

Объединиться с Востоком в процессе противостояния Западу предлагал и Сыромятников. В споре с собеседником немцем он утверждал, что араб, перс и китаец, ближе русскому, потому что они «не заглушили в себе Бога и, несмотря на дикость свою и некультурность не осмеливаются на место головы и сердца поставить брюхо и кошель с деньгами»¹⁴. В лице своего оппонента Сыромятников угрожал всему Западу союзом России и Востока: «Против этого истребления дела Божия на земле и должны объединиться народы Востока и бороться с вами, как с собирательным Антихристом, противником естественной жизни, противником духовной и нравственной свободы. Против вашего мозга будем бороться мы, последние богоносцы. Будем бороться за деревню, за лес, за чистое небо, за чистую душу, за чистую совесть, за зверя, за птиц и за рыб, за всех наших братьев в

мироздании. Мы будем бороться за жизнь против машины, за свободу против социального цухтхауза, за бедность против богатства ... Мы сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом. Англичане предчувствуют наше значение в Азии и боятся нас. Потому что отныне не будем мы защищать грудью Европу от Азии, как защищали ее от натиска татар. Мы пойдем заодно с этой Азией, ибо мы нашли себя и обдумали себя и увидели, что вы идете не на дело жизни и обоготворения, а на дело смуты и служения дьяволу»¹⁵.

Многие русские консерваторы полагали, что Азия инстинктивно чувствует — Россия является важнейшей частью того огромного духовного мира, который мистики и ученые именуют «смутным словом Восток». Ухтомский был уверен, что «в Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря»¹⁶. Российская держава должна «стать тем, чем она от века призвана быть (мировою силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения...» — полагал князь¹⁷. Ему вторил Карцов, считавший естественным «стремление государства свои границы раздвинуть как можно шире, пока, наконец, достигнув моря, они не совпали с морским побережьем»¹⁸. Дусинский так же был согласен с тем, что в начале XX века «русский государственный организм еще не достиг своего полного физического развития: его внешний рост еще совершается и должен совершаться, так как прекращение его раньше времени было бы явлением болезненным ... Территориальное развитие русского государства, несмотря на всю его значительность, не может и не должно еще считаться законченным — таков первый факт, обуславливающий характер нашей внешней политики»¹⁹.

Самим ходом истории России предназначено стать мировой силой, сочетающей Запад с Востоком и быть третейским судьей в вечном споре между Азией и Европой. Причем, как полагал Ухтомский, этот спор ей неизбежно приходится решать в пользу Азии, потому что не может быть иного решения для судьбы, который «чувствует себя братом обиженного». В противном случае «Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы для русских со временем будут еще опаснее, чем западные иноплеменники»²⁰. Об этом же предупреждал и Дусинский: «Там, на Дальнем Востоке и Юге, рождается новый мир-великан, носитель вековой культуры, полный скрытой энергии и накопленных тысячелетиями сил, мир трезвого ума и твердой воли, мир настойчивости, терпения и упорного, всепобеждающего труда... А на пути его лежит Святая Русь. Огненный вздох желтого Дракона уже обжег ее спящее лицо. А с далекого Юга на нее же глядят с ненавистью другие взоры... Там вьется в судорогах возрождения старый и грозный своим фанатизмом мир Ислама, властелин и поныне для многих славян. И он также не оставит нас в покое, как, впрочем, и мы не могли оставить в покое его. А на ближнем Западе притаился третий сосед (Германия — *A. P.*), старый враг славянского племени...»²¹.

Привлекала Азия и Тихомирова. В его дневнике мы встречаем записи, свидетельствующие о его внимании к деятельности Русской духовной миссии в Японии: «Роясь в бумагах, нашел эту тетрадь. Это была когда-то книга моих упражнений в китайском языке. Рой воспоминаний охватил меня. Далекое, невозвратное время!.. Я нашел две тетради: одна — упражнения по японскому языку, другая — вот эта самая — по китайскому. Уничтожить первую — не поднялась рука. Но теперь нет бумаги. Такой тетради, как эта, не найдешь ни в одном магазине... Я занимался китайским языком еще до боксерского восстания. А эту тетрадь пустил для занятий примерно скоро по взятии Пекина, когда архимандрит Иннокентий был только что рукоположен во епископы и отправился в Китай с радужными мечтами возродить или, точнее, создать Православную Китайскую Церковь. Я тогда мечтал, коли Бог поможет, съездить к нему, чтобы посмотреть лично на этот новый росток Православия и помогать потом Иннокентию отсюда с той смелостью, которую дает личное знакомство с описываемыми местами и деятельностью.

Увы! С тех пор прошло, стало быть, около 14 лет. Китай, Китай! Где тут думать о Китае! Спрашиваешь себя: в какой степени уцелеет Православие в России? Пожалуй, и у самого Иннокентия опустили руки. А я — даже уже и не годеи никуда, и мне не до Китая.